

2. Алексеев, В.М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. – Кн. 2 / сост. М.В. Баньковская; отв.ред. Б.Л. Рифтин. – М.: Вост. лит., 2003. – 511 с.
3. Алексеев, В.М. В старом Китае. Дневники путешествий. – М.: Изд-во вост. литературы, 1958. – 312 с.
4. Бичурин, Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти листах: В 2 ч. – СПб.: Тип. Э. Прада, 1842. – 268 с.
5. Васильев, В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. – СПб.: типография В.С. Балашева, 1873. – 183 с.
6. Георгиевский, С.М. Принципы жизни Китая. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1888. – 532 с.
7. Коростовец, И.Я. Китайцы и их цивилизация. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1896. – 639 с.

УДК 299.512

М.А. Хаймурзина, Л.А. Мусенко

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИРОДЫ КОНФУЦИАНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ: ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX – НАЧАЛО XXI вв.**

Статья посвящена толкованию религиозных основ конфуцианства в работах российских исследователей последних десятилетий XX – начала XXI вв. Конфуцианство по своему значению и влиянию сопоставляется с мировыми религиями, признается религиозный характер конфуцианского ритуала и ряда конфуцианских принципов. Формируется четкая тенденция интерпретации конфуцианства в качестве религиозной системы с оценкой религиозных элементов конфуцианского учения.

Ключевые слова: конфуцианство, конфуцианская религия, ритуал, сакральность.

**INTERPRETATION OF THE RELIGIOUS CHARACTER OF CONFUCIANISM
IN RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHTS.
ARTICLE TWO: THE LAST DECADES OF THE 20th – EARLY 21ST CENTURIES**

This article is devoted to the interpretation of the religious foundations of Confucianism in the works of Russian researchers of the last decades of the 20th – early 21st centuries. According to its significance and influence, Confucianism is compared with world religions, the religious character of Confucian ritual and a number of Confucian principles are recognized. There is a clear trend of interpretation of Confucianism as a religious system and qualitative assessment of religious elements of Confucian teaching.

Key words: Confucianism, Confucian religion, ritual, sacrality.

На современном этапе развития международного сообщества религиозные традиции признаны как необходимые и важные в контексте понимания прошлого и будущего стран и народов. Конфуцианство сохраняет особую связь с китайской культурой, историей и традициями. Конфуцианское наследие в целом и его религиозная сторона в частности остается важным аспектом исследования российской гуманитарной мысли.

Для отечественной науки последних десятилетий XX – начала XXI вв. характерна противоречивая традиция толкования конфуцианства. В обобщающих религиоведческих публикациях (прежде всего в учебных) конфуцианство признается в качестве религии, при этом посвященные ему разделы, как правило, написаны специалистами-китаеведами. Интерпретация религиозной составляющей конфуцианства представлена очень скудно: упоминается связь конфуцианства с китайскими первобытными верованиями, формирование культа Конфуция, обожествление императора в качестве сына Неба и т.д. Однако в большей степени дается описание конфуцианства с социополитической и этической стороны. Неоднозначность трактовок выглядит особенно рельефно, когда авторы называют конфуцианство «этико-философским учением», отрицают его религиозный характер, но при этом включают раздел «Конфуцианство» в параграфы «Религия Китая» или «Национальные религии Китая», де-факто признавая его принадлежность к китайским религиям [4, 18, 19, 20, 21]. В специализированных китаеведческих публикациях конфуцианство характеризуется в качестве нерелигиозной системы, – например, философского, этического или политического учения [5, 6, 7, 14], или допускается, что в этой нерелигиозной системе присутствуют отдельные религиозные элементы: на такой трактовке построены работы Л.С. Переломова [22, 23, 24, 25, 26], Л.С. Васильева [1, 2, 3], А.С. Мартынова [12, 13, 15, 16, 17], А.И. Кобзева [9, 10] и др.

Столь противоречивая тенденция осмысления конфуцианства, вероятно, сопряжена с проблемами теоретического характера, обусловленными доминирующим научно-атеистическим содержанием советского религиоведения. В реальных условиях после преодоления марксистско-ленинской идеологической парадигмы еще долгое время сохранялась инерция оценки религиозных и нерелигиозных явлений в русле стандартов мировых религий и марксистских дефиниций религии.

Российские исследователи последних десятилетий XX в. прежде всего подчеркивают практическую сторону конфуцианства, когда религиозно-этические нормы подчинены требованиям социальной и административной политики. Эта и другие особенности, по мнению исследователей, всегда отличали конфуцианство от мировых религий.

Историк Л.С. Васильев считает, что «религиозная система в Китае всегда была подчеркнута рационалистична» [1, с. 568]. Вся деятельность китайца была направлена на усовершенствование своего жизненного пути. Обряды, сыновняя почтительность, культ предков – всё это должно было принести человеку определенную пользу. Другие мировые религии обращаются к божественному началу, к мистической потусторонней силе, тогда как в Китае конфуцианство отличалось социальной направленностью религии [1, с. 551]. По мнению Л.С. Васильева, Конфуций не любил рассуждать о трансцендентных истинах, о том, что выходит за пределы действительности. Он не задумывался над таинствами бытия. Но он придавал исключительную значимость ритуалам и культам древних божеств. Известно, что конфуцианство основывалось на древних ритуалах, обрядах, культах, имевших отношение к пласту религиозных верований эпохи Чжоу, и «благодаря стараниям конфуцианцев культ предков стал основой религиозно-этических норм всего народа» [3, с. 168]. Культ предков, тесно связанный с сыновней почтительностью, имел практическое значение и закреплялся ритуальными действиями. Культ предков, обряды сыновней почтительности определяли принципы взаимоотношений как на бытовом, так и на высшем политическом уровне. Например, «в почтительном отношении к высшему началу обычно проявлялся отчетливо осознанный сыновний долг правителя, понимавшего необходимость отчитаться перед высшей божественной инстанцией и воздать небесному отцу, хранителю мирового порядка, необходимые почести» [1, с. 562].

Культы, ритуалы, церемониальные нормы представляли собой определенную модель, или форму поведения. По мнению Л.С. Васильева, эта «форма в конфуцианском Китае была эквивалентом религиозного ритуала, подобно, например, молитве в христианстве и исламе, аскезы или медита-

ции в индуизме и буддизме» [1, с. 617]. Подчеркнем, что многие китаеведы в своих работах придают большое значение ритуалу в конфуцианстве, сравнивая его с религиозными обрядами других религий. Так, Л.С. Переломов в книге «Конфуций: жизнь, учение, судьба» (1993) пишет: «китайские *ли* формировали и генерировали нравственные критерии общества – в этом смысле они играли роль религий» [22, с. 339].

Отсутствие системы религиозных обрядов, организации верующих и духовных лиц – важная отличительная особенность конфуцианства от мировых религий. В конфуцианстве не было ни церквей, ни духовной иерархии, ни проповедей. Здесь были жрецы, но они, на первый взгляд, выполняли административные, а не религиозные функции. Однако, как отмечает Л.С. Васильев, конфуцианство, оформившееся к эпохе Хань, представляло собой «доктрину абсолютной святости», где конфуцианцы-ученые – наследники жрецов шанско-чжоуского Китая – олицетворяли собой единение административной и религиозно-идеологической власти, конфуцианская мудрость и конфуцианские каноны расценивались как «священные», которые «в своей сумме считались сокровищницей обожествленных истин» [1, с. 566-585].

Действительно, религиозная организация и система религиозных обрядов в конфуцианстве интегрированы с общественно-политическим устройством. Такое несоответствие стандартам мировых религий всегда служило причиной отказа или сомнений в религиозном статусе конфуцианства. Тем не менее, для многих очевидно значение конфуцианства в истории и культуре Китая, именно это дает возможность приравнять конфуцианство к мировым религиям. Такой теоретический посыл можно проследить в работах многих исследователей.

«В Китае роль священников исполняло старшее поколение и мощный госаппарат, – пишет Л.С. Переломов. – Формально, ввиду отсутствия института церкви, конфуцианство не является религией. Но по своей значимости, степени проникновения в душу и воспитания сознания народа, воздействию на формирование генотипа поведения – оно успешно выполняло роль религии» [23, с. 5].

Л.С. Васильев в свою очередь указывает, что конфуцианство в определенных ситуациях играло роль религии, а в других выполняло функции официальной государственной идеологии. Конфуцианство не является религией в полном смысле слова, в процессе своего развития оно стало большим, нежели просто религия, – это также и политика, и административная система, и регулятор социальных процессов, – словом, основа основ китайского общества. В течение двух с лишним тысяч лет конфуцианство фундировало китайскую цивилизацию – формировало умы и чувства китайцев, влияло на их убеждения, психологию, поведение, мышление, речь, восприятие, на их быт и уклад жизни. В этом смысле конфуцианство не уступает ни одной из великих религий мира, а кое в чем и превосходит их [1, с. 587-588; 2].

Востоковед А.С. Мартынов также считает, что конфуцианство, оказав сильное влияние на духовную и социополитическую культуру, стало «константным компонентом традиционной китайской цивилизации в целом» [15, с. 156]. Он признает наличие культовой составляющей конфуцианства, отмечает ее сдержанность и умеренность в религиозно-мистическом смысле и подчеркивает, что такая «скромная культовая сторона конфуцианства вовсе не означает, что китайская ментальность изначально имела некую фанатическую приверженность к атеизму и рационализму» [15, с. 144].

Известно, что древнее (классическое) конфуцианство находится в тесной связи с религиозно-обрядовыми представлениями и особенностями раннечжоуского Китая. Конфуций, как считают исследователи, стал рационализатором и десакрализатором исконно-религиозных понятий и представлений китайской духовной культуры. Однако сложные взаимоотношения сакральной и профанной сфер, когда религиозное и светское неотделимы друг от друга, в процессе развития конфуцианского учения не утратили своего значения.

По мнению А.С. Мартынова, конфуцианская категория *дэ* находится на стыке сакральной и профанной сфер, является связующим звеном между Небом и Землей, сочетает в себе «сверхъестественное» (*дэ* Неба) и «светское» (*дэ* человека). *Дэ* выступает созидательной и упорядочивающей силой в движении от «хаоса» к «космосу». *Дэ* сопоставимо с «глубоким основанием социального бытия», типа христианского «не убий». *Дэ*, соединяясь с культом предков, с гуманностью – *жэнь*, сыновней почтительностью – *сяо* и другими понятиями, представляет собой некий «синтез» и единение антропологического и социополитического измерения «жизни» с космическим «порядком» [12, 16].

В контексте развития неоконфуцианства связь человека и космоса сохраняется и эволюционирует, человек и космос приобретают единую сущность, что предполагает не только философское, но и религиозное содержание. Так, талант (*цай*) конфуцианца был дарованием природы, следствием процесса функционирующего космоса, который, в свою очередь, являлся объектом ритуального действия и философского размышления. Явление отшельничества конфуцианцев в танско-сунский период, сформированное под влиянием даосско-буддийской религиозно-философской традиции и выражающееся в понятиях «возвращение к природе», или «обращение к природе» как «высшей реальности», стало результатом того, что «обыденная реальность стерла в нем ясное ощущение всеобъемлющего совершенства породившего его космоса», и потому он желает вернуть эту утраченную ясность, т.е. связь, через непосредственное созерцание и эстетическое восприятие космоса. Так целью конфуцианца-отшельника становилось единение с Небом и Землей [17, с. 181-184].

Историк китайской философии А. И. Кобзев также не отрицает наличия религиозных элементов в конфуцианстве, выражающихся в «вере в божественно-натуралистическое Небо» и «посредничающих с ним духов предков». Подобно А.С. Мартынову, считает, что конфуцианское *дэ* являлось основополагающим термином в религиозной ипостаси. «Исконное религиозно-мифологическое содержание *дэ* не выгорело в горниле философской рефлексии. Поэтому во множестве своих разномысленных употреблений в самых разнородных текстах иероглиф *дэ* сочетает в себе признаки трансцендентности и имманентности, объективности и субъективности, чувственности и рациональности». «Зародыши идей о сверхчеловеческом», заложенные еще в *Шуцзине* и *Шицзине*, несмотря на ориентированность Конфуция на «человеческую» сторону жизни, явились основой философской мысли на последующих этапах развития конфуцианства. Такими примерами, по мнению историка, может быть придание религиозных функций (учение о «воле Неба») конфуцианству стараниями Дун Чжуншу – основателя ханьского конфуцианства, а также развитие «моральной метафизики» в творчестве современных конфуцианцев (Моу Цзунсяня, Ду Вэймина и др.), которые рассматривают китайский этический универсализм как «идеальное сочетание философской и религиозной мысли» [9, 10].

В начале XXI в. постепенно складывается четкая тенденция интерпретации конфуцианства как религии, исходя из особенностей локальных религиозных верований, а не стандартов мировых религий. Так, профессор А.П. Забияко в статье «Конфуцианство» энциклопедического словаря «Религиоведение» указывает на наличие религиозной составляющей конфуцианства, объясняет причины существующей сложности определения конфуцианства в качестве религии. Ученый указывает, что основой синкретической целостности конфуцианства выступает религиозное мировоззрение. Под религиозными основаниями конфуцианства профессор понимает ее «исходную часть», на базе которой в процессе исторического развития некоторые конфуцианские учения и практики обособились от исходной целостности и стали развиваться в качестве особых форм конфуцианства – конфуцианской философии, конфуцианской этики, конфуцианской политики и т.п., почти утрачивая при этом родовую связь с религиозными основаниями [8]. Он также отмечает, что до начала XX в. «конфуцианство существовало в обществе как многомерный феномен. С одной стороны, оно выступало государственной религиозной идеологией и практикой, с другой, – системой семейных религиозно-этических ценностей, норм. Однако конфуцианство всегда сохраняло социально-политическую направленность.

Религиозное основание лишь придавало священный статус конфуцианскому учению в социальной и политической жизни Китая» [8].

В энциклопедии «Духовная культура Китая» историк-востоковед П.М. Кожин заявляет о некорректности отказа конфуцианству в религиозном статусе и необходимости его рассмотрения как религии. «Конфуцианство как сложное и разностороннее явление духовной культуры и общественной жизни имеет отчетливые религиозно-ритуальные и религиозно-психологические признаки». Конфуцианство он рассматривает как «религиозно-политическую систему», как «систему вероучений и догм, связывающих воедино общедоступные положения философского учения последователей Конфуция, историзованные версии мифов и легенд и систематизированные описания мироздания, сложившейся в китайской философской и религиозной мысли» [11].

Конфуцианская религиозно-политическая система, согласно точке зрения П.М. Кожина, утверждала устойчивую государственную власть. Эта система основана на почитании традиций, возводимых к обожествленным древним правителям, на представлениях о сопричастности индивидуума обществу-государству, которое объединяется вертикальной структурой «семья – император – Небо». «Конфуцианство в традиционном Китае не было оформлено в церковную организацию, оно представляло собой учение, регулирующее социальные и политические отношения, включающее в себя религиозную практику. В конфуцианстве не была оформлена иерархическая вертикаль священнослужителей». Вопреки представлениям о примитивной религиозной стороне конфуцианства, оно является «феноменом», обладающим сложной религиозно-обрядовой стороной, выражающейся в «строгой иерархии от обрядов имперских культов до различных клановых, семейных и индивидуальных ритуалов» [11].

В российской гуманитарной мысли последних десятилетий XX – начала XXI вв. конфуцианство сравнивается с мировыми религиями, отмечаются его отличительные черты и особенности, – например, приоритет практической и нравственной стороны, слабость религиозных представлений и отсутствие организации верующих. Существуют сомнения в его религиозном характере. Тем не менее, признаются отдельные религиозные составляющие: религиозное значение конфуцианского ритуала, сакральная природа конфуцианских принципов, религиозное значение конфуцианства, подобное мировым религиям.

В начале XXI в. складывается курс на интерпретацию конфуцианства в качестве особой религиозной системы и оценку религиозных элементов конфуцианского учения. Признается, что конфуцианской традиции присущи религиозные верования, религиозные элементы и религиозные ритуалы, особенность которых определяется особенностями развития китайской культуры.

-
1. Васильев, Л.С. История религий Востока. Учебное пособие для вузов. – М.: КДУ, 2006. – 704 с.
 2. Васильев, Л.С. Конфуцианская цивилизация // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 2. – С. 26-29.
 3. Васильев, Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2001. – 488 с.
 4. Гараджа, В.И. Религиоведение: учебное пособие для студентов высш.учеб. заведений и преп.ср.школы. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 351 с.
 5. Делюсин, Л. В поисках нового типа культуры // Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 12. – С. 7-12.
 6. Делюсин, Л. Конфуций и социалистическая модернизация // Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 1. – С. 24-28.
 7. Делюсин, Л. Модернизация и учение Конфуция // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 7. – С. 8-11.
 8. Забияко, А.П. Конфуцианство // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 544-545.
 9. Кобзев, А.И. Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии // От магической силы к моральному императиву: категория де в китайской культуре / отв. ред. Л.Н. Борох, А.И. Кобзев. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1998. – С. 12-35.
 10. Кобзев, А.И. Конфуцианство // Китайская философия. Энциклопедический словарь. – М.: Мысль, 1994. – С. 149-151.

11. Кожин, П.М. Конфуцианство и государственные культы // Духовная культура Китая. Энциклопедия: В 5 т. – М.: Вост. лит., 2007. – Т. 2. – С.190-195.
12. Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф: В 2 т. – СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – Т. 1. – 384 с.
13. Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф: В 2 т. – СПб.: Изд.дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. – Т. 2. – 208 с.
14. Лукьянов, А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия): монография. – М.: Изд-во УДН, 1989. – 189 с.
15. Мартынов, А.С. Конфуцианство: классический период / пер. с кит. А.С. Мартынова. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2006. – 384 с.
16. Мартынов, А.С. Категория *дэ* – синтез «порядка» и «жизни» // От магической силы к моральному императиву: категория *де* в китайской культуре. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1998. – С. 36-74.
17. Мартынов, А.С. Конфуцианская личность и природа // Проблемы человека в традиционных китайских учениях. – М.: Наука, 1983. – С. 181-184.
18. Основы религиоведения. Учеб. / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, М.П. Новиков и др.; под ред. И.Н. Яблокова. – М.: Высш. шк., 1994. – 368 с.
19. Основы религиоведения. Учеб. / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, К.И. Никонов; под ред. И.Н. Яблокова. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – 508 с.
20. Религии мира. Учеб. пособие / под ред. М.М. Шахнович. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 290 с.
21. Религиоведение. Учеб. пособие для студентов пед. вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 506 с.
22. Переломов, Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993. – 440 с.
23. Переломов, Л.С. Конфуций. «Лунь юй» / Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Луньюя» с коммент. Чжу Си. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1998. – 588 с.
24. Переломов, Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XI в.). – М.: Изд-во «Стилсервис», 2009. – 704 с.
25. Переломов, Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
26. Переломов, Л.С. Слово Конфуция. – М.: Фабула, 1992. – 192 с.

УДК 316.422.42

В.В. Проказин

КРИТИКА ПОЗИТИВИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА С.Л. ФРАНКОМ

В статье рассматриваются особенности фактологической и методологической критики позитивистских теорий прогресса русским социальным философом и «христианским социологом» С.Л. Франком.

Ключевые слова: социология, социальная философия, «христианская социология», теория прогресса, методология общественных наук.

CRITICISM OF THE POSITIVIST THEORY OF PROGRESS BY S. L. FRANK

The article considers the features of factual and methodological criticism of positivist theories of progress by the Russian social philosopher and the «Christian sociologist» by S. L. Frank.

Key words: sociology, social philosophy, «Christian sociology», theory of progress, methodology of social Sciences.

В современных историко-социологических исследованиях актуальным является углубленный теоретический анализ процессов становления отечественного социологического знания. Наряду с